

Ю.Ю. Власова

Томский политехнический университет

**Рецепция драмы Герхарта Гауптмана «Одинокое»
в России рубежа XIX – XX веков**

Аннотация: В статье характеризуется русская критическая рецепция драмы Г. Гауптмана «Одинокое». Делается попытка проследить важнейшие тенденции в отношении к творческой личности Г. Гауптмана в наиболее активный период его восприятия в России. Особое внимание уделено сибирской (конкретно – томской) рецепции. Сопоставления с центральной критикой выявляют ее отставание как во временном, так и в качественном смысле. Тем не менее, само наличие этой рецепции позволяет сделать вывод о значимости пьесы для тогдашней российской культуры и лучше осмыслить ее роль в процессе освоения русской публикой новых форм и идей.

The article concentrates on the analysis of critical reception of Gerhart Hauptmann in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries. It's made an attempt to show the most important tendencies in the attitude to Gerhart Hauptmann's personality during the most active period of his reception in Russia. Gerhart Hauptmann's reception in Siberia (exactly Tomsk) is of particular importance. Comparison with the central critics shows retardation of Tomsk reception both in time and quality. Nevertheless, the presence of this reception allows making a conclusion about a importance of piece in the culture life in Russia of that time and determining its significance in the process of development new forms and ideas by Russian public.

Ключевые слова: Г. Гауптман, «Одинокое», драматургия, «новая драма», критическая рецепция.

G. Hauptmann, «The lonely», dramaturgy, «new drama», critical reception.

УДК: 821.112.2.

Контактная информация: Томский политехнический университет: 634050, г.Томск, пр.Ленина, 30. Тел. (38451) 62683. E-mail: JuliaVlasova@mail.ru.

Драма «Одинокое» («Einsame Menschen»), написанная в 1891 году, сразу же приобрела широкую известность за рубежом. История ее критической рецепции дает представление о восприятии в России крупного явления современной европейской культуры – «новой драмы», отразившей эпохальный перелом мировидения с помощью радикального изменения всей художественной системы.

Пожалуй, наиболее содержательными были статьи Александра Рейнгольдта в «Книжках Недели», который рассматривал творчество Г. Гауптмана не только в его собственной динамике, но и в контексте национальной и мировой традиции, давая основательное осмысление новаторских принципов «новой драмы». Рейнгольдт не согласен с критиками, причислившими Гауптмана к «толстовцам»: «...следует помнить, что Иоганнес говорит не поучительным тоном героев Толстого, а в состоянии нервного возбуждения...» [Рейнгольдт, 1893, с. 20].

Центральную проблему «Одиноких» Рейнгольдт определяет как «столкновение отцов и детей» [Там же, с. 18]. Эта коллизия трагически осложнена тем, что

Иоганнес тяготеет домашними условиями, но одновременно понимает, что никто в этом не виноват, и не может бросить жену и родителей.

И. Иванов (журнал «Мир божий»), подобно Рейнгольдту, усматривает в драме Гауптмана коллизию «отцы и дети»; он сводит драму героя к борьбе его естественнонаучных взглядов с религиозными взглядами «отцов». Критик отдает предпочтение тургеневскому роману, где вопрос об «отцах» и «детях» решается неизмеримо глубже, причем пропагандистом нового показан «нормальный» человек со здоровыми нервами, умеющий постоять за себя. Гауптман же возлагает «решение самых головоломных задач» на «недужного», «мертворожденного и до невменяемости немощного» «одинокого человека с разбитыми нервами» [Иванов, 1898, с. 97].

З. Венгерова трактует драму как «чисто психологическую», сосредоточив внимание на анализе внутренних противоречий героя. Однако ее анализ также, по сути, основывается на социальных причинах трагедии Иоганнеса – человека переходного времени, который уже предчувствует коренные изменения в жизни, но сам еще связан со старым строем и бессилен что-либо изменить. Он еще только «предтеча» новой жизни и потому действительно одинок, как и все «люди новой души»: «Человека, желающего соединить мечту, идеал – с реальностью, ждет катастрофа, как Иоганнеса Фокерата» [Венгерова, 1896, с. 317].

Однако многими критиками «Одинокие» были восприняты не как психологическая или семейная драма, а как произведение остро-социальное. Так, Я.А. Фейгиным в «Русской мысли» герой пьесы трактуется как совсем не новый для литературы портрет современного «думающего» интеллигента, который понимает, что «идти в народ» мало, что подвиг самоотречения не сделает всех на земле счастливыми, но куда двигаться, он не знает. Проблему современного интеллигента критик усматривает в конфликте между его стремлениями и возможностями. Он задает вопрос: не бессмысленны ли страдания Иоганнеса, «не борется ли он с призраками» [Фейгин, 1900, с. 232]? И сам отвечает: нет, борьба одиноких не бесплодна, она отражает стремление человека к развитию прогрессивной мысли, к достижению высших идеалов.

Оставаясь в основном в рамках привычной методологии, нацеленной на раскрытие социально-психологических детерминант, критики все же предпринимали попытки осмыслить принципиальную художественную новизну пьесы Гауптмана, явившейся одним из наиболее значительных образцов «новой драмы». Так, З. Венгерова делает существенные наблюдения относительно своеобразия ремарок у Гауптмана, представляющих собой «настоящие описания беллетристического характера». Критик усматривает в них «эпический и отчасти лирический элемент его творчества» [Венгерова, 1896, с. 292], действительно крайне характерный для «новой драмы», переосмыслившей традиционные жанрово-родовые границы.

Отдельные замечания о поэтике пьесы делают и другие критики. Так, С. Нани в «Новом журнале иностранной литературы» пишет о «внутреннем действии» [Нани, 1898, с. 146] пьесы, которое очень трудно передать актеру. Здесь мало движения в привычном смысле этого слова; внешнее движение драмы является лишь следствием изображения внутреннего мира героев.

А. Ковров («Русское богатство») оперирует понятием «настроение», которое становилось все более распространенным в критическом дискурсе эпохи (в частности применительно к пьесам Чехова). В драме «Одинокие» он прослеживает борьбу двух настроений: первое отражает «идиллию семейного очага, полную ласкающей прелести» [Ковров, 1897, с. 94], но не удовлетворяющую Иоганнеса, второе связано с Анной Мар, родной ему по духу. По мнению Коврова, второе настроение должно было господствовать и увлекать зрителя, но оно оказалось изображено слишком блеклыми красками, уступая по яркости настроению семейного очага, поэтому зритель все-таки встает на сторону Кете. Ковров, таким обра-

зом, явно упрощает и «выпрямляет» коллизию, сводя ее к традиционной борьбе между долгом и стремлением к эгоистическому счастью и однозначно определяя авторскую позицию на основе ее этической характеристики, что явно недостаточно для «новой драмы».

И. Калина («Русская мысль») отмечает, что жизненной правде в произведениях Гауптмана служат не только слова персонажей, но и их движения, жесты и взгляды. Гауптман вводит в свои драмы «немую игру, диалог, богатый паузами, с предложениями начатыми и незаконченными» [Калина, 1912, с. 24]. Критик высоко оценивает талант драматурга в изображении среды и раскрытии психологии героев, но эти замечания носят слишком общий характер.

Оживленная полемика вокруг творчества и самой фигуры Гауптмана в этот период свидетельствовала о его большой популярности в России. Упоминания о нем встречаются также у А.П. Чехова, Д.С. Мережковского, А.М. Горького, Л.Н. Андреева, М.А. Волошина, и других крупных деятелей русской культуры. Имя Гауптмана становится известным не только в Москве и Петербурге, но и в провинции, в том числе в Сибири. Рецепция драмы «Одинокие», прослеженная по материалам томских газет рубежа веков, является неотъемлемой составной частью общероссийской рецепции и в целом подчиняется ее внутренним закономерностям, но в то же время обладает явственным «местным колоритом», обусловленным отдаленностью от столиц и спецификой культурного слоя, в значительной мере состоявшего из ссыльных. Томские газеты уделяли значительное внимание вопросам культуры и, в отсутствие журналов, выполняли функции не только оперативного информирования о текущих событиях, но и анализа, осмысления и обобщения основных тенденций современной жизни. На протяжении почти двадцати лет Гауптман находился в зоне внимания этих газет, которые помещали разнообразные публикации о нем: от информации о постановках его пьес в томских театрах до остро-публицистических материалов политического характера. Особенно интересны рецензии на спектакли; они позволяют узнать о месте, занимаемом произведениями Гауптмана в репертуаре местных театров, о специфике режиссерских и актерских трактовок, о вкусах публики и о компетентности самих газетных критиков, выступавших в роли эстетических арбитров и наставников.

Неизбежные сопоставления с центральной прессой выявляют прежде всего значительное запоздание знакомства томичей с Гауптманом. Если в столичных изданиях его имя активно фигурирует уже с момента скандального дебюта молодого драматурга с пьесой «Перед восходом солнца», то томичей первая пьеса Гауптмана миновала, и знакомство с его творчеством началось для них лишь спустя несколько лет, когда в центральных журналах уже появилось множество материалов, разносторонне освещавших новый зарубежный талант.

Драма «Одинокие» занимала среди произведений Гауптмана вторую позицию в местном рейтинге после «Потонувшего колокола». Заметка, помещенная в 1901 г. в «Сибирской жизни» за подписью «Ю.», дает, со ссылкой на Г. Брандеса, общую характеристику пьесы, с тем чтобы подготовить публику к предстоящей премьере. Судя по искажениям имен и расплывчатой передаче фабулы, сам критик пьесы не читал и довольствовался сведениями из чужих рук. Он акцентирует такие традиционные составляющие драмы, как любовные и социальные коллизии. Иоганнес Фокерат, с одной стороны, трактуется им как «жертва своей безумной любви»; с другой стороны, его судьба объясняется «господствующими условиями» [Ю., 1901, с. 3]. Не случайной является в заметке оговорка «заглавная роль Иоганна»: как этот, так и другие томские критики не заметили специфического, оксюморонного по сути, смысла названия гауптмановской пьесы, в котором множественное число – «Одинокие» – подчеркивает общераспространенность одиночества, несводимость этого феномена к неудачной судьбе одного персонажа.

В рецензии на спектакль, помещенной в «Сибирском вестнике» с подписью «Г.П.», пьесе с самого начала дается язвительная характеристика: «Это одна из наиболее претенциозных вещей этого модного драматурга натуралистической школы»; она «изрядно длинна и потому скучновата» [Г.П., 1901, с. 2]. Основное внимание в разборе сосредоточено тоже на главном герое, который, по традиции, рассматривается как смысловой центр всего произведения. Рецензент безжалостно третирует его за эгоизм («пуп земли»), пустоту, завышенные притязания и капризы. Критик отказывается видеть в Иоганнесе подлинного героя, так как его «нравственно-умственный багаж, ...его гражданский *habitus* остаются для зрителей тайной». Это свидетельствует об актуальности для автора статьи привычных социально-этических критериев, которые в «новой драме» были подвергнуты принципиальному сомнению.

Очевидная приверженность критика традиционным эстетическим стандартам обостряет его внимание к отступлениям от них в пьесе Гауптмана, которые он улавливает с раздражением, но довольно точно. Так, он обращает внимание на характерное для «новой драмы» помещение действия в «обычную, нормальную обстановку молодой... семьи среднего достатка, на отсутствие привычной драматической коллизии между героем и его окружением: у героя есть «все необходимое, чтобы быть довольным собой, своим положением и потому распространять вокруг себя довольство... И тем не менее этот человек одинок». Непривычный «драматизм» пьесы обнаруживается во «внутренней борьбе одного человека с самим собой, с своими мелкими эгоистическими претензиями, хотениями, ...не имеющими общей цены». Но логика и критерии рецензента не выходят за рамки привычных представлений, в свете которых эти важные новации предстают как недостатки драмы, снижающие ее увлекательность и общественную значимость.

В «Сибирском вестнике» Г. Вяткин сообщал об очередной постановке «известной психологической драмы Гауптмана “Одинокие”». В качестве интерпретационного ориентира рецензент приводил «знаменитую мысль Мопассана», которую «в этой пьесе Гауптман как бы наглядно доказывает»: «Великая мысль нашего существования в том, что мы вечно одиноки; что бы мы ни говорили, что бы мы ни делали – мы никогда не поймем вполне друг друга, ибо в душе каждого человека, на дне ее, есть такой уголок, куда никто не может заглянуть, ибо ни один человек не похож вполне на другого» [Г. В-ин, 1905, с. 3]. Эта цитата, которая выражает, пожалуй, самую трагическую интуицию эпохи «конца века», характеризующую онтологический статус человека, ведет далеко за рамки собственно психологического подхода. Томский рецензент лишь смутно уловил созвучность пьесы такому эпохальному мировоззренческому сдвигу, но от анализа и осмысления уклонился с помощью самых общих слов. Заметка отражает стремление провинциального рецензента держаться «на уровне» оценок современной критики, уже закрепившей за Гауптманом высокое место в литературном рейтинге, и круга представлений, связанных с его творчеством, но собственные суждения Г. Вяткина отнюдь не демонстрируют понимание ее во многом ключевой роли для европейской драматургии рубежа веков.

Спустя два года тот же критик при разборе постановки пьесы на томской сцене вновь опирается на «знаменитую философию одиночества Мопассана» [Г. В-ин, 1907, с. 3], но теперь, напротив, утверждает, что Гауптман преодолевает ее. В «Одиноких» он видит уже не настроения декаданса, а жизнеутверждающий оптимизм, пример того, что в «единении – залог грядущего счастья человечества». В своей вдохновенной риторике критик далеко отходит от реального содержания драмы, при этом, как и в предыдущей рецензии, ограничиваясь вполне дежурными суждениями о ее художественных достоинствах.

Но, несмотря на явное отставание томской рецепции от столичной, она все же свидетельствует о внимании к Гауптману со стороны российских современников даже в глубокой провинции. Знаменитая пьеса, художественно воплотившая

непривычную концепцию человека, с трудом, но пробивала дорогу к сознанию публики для освоения ими новых идей и форм. Однако вскоре этот процесс был радикально прерван разразившейся мировой катастрофой 1914 года. Гауптман, зачисленный в разряд пособников германского милитаризма, на десятилетия был практически изъят из поля зрения российской (советской) культуры, для которой его творчество не могло представлять большого интереса.

Литература

- Венгерова З.Г. Гауптман. Критический очерк // Вестник Европы. 1896. Ноябрь.
- Г. В-ин. Бенефис Г. Волынского // Сибирский вестник. 1905. № 6.
- Г. В-ин. Одинокие // Сибирская жизнь. 1907. № 127.
- Г.П. Одинокие. Драма в 5 д. Герх. Гауптмана // Сибирский вестник. 1901. № 23
- Иванов И. Из западной культуры. Культурные плоды германского единства. По поводу книги: Adolph Bartels. G. Hauptmann. Weimar. 1897 // Мир божий. 1898. № 2. С. 97.
- Калина И. За границей: 2. Из немецкой литературы // Русская мысль. 1912. № 12.
- Ковров А. Заметки о свободных театрах // Русское богатство. 1897. № 2.
- Нани С. Гауптман и его произведения // Новый журнал иностранной литературы. 1898. Май.
- Рейнгольдт А.А. Драматург-реформатор // Книжки недели. 1893. Июнь. С. 5.
- Фейгин Я.А. Письма о современном искусстве // Русская мысль. М.; СПб., 1900. Кн. I.
- Ю. К постановке драмы Гауптмана «Одинокие» // Сибирская жизнь. 1901. № 21.